

>>> **НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ** >>> **НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ** >>>

недобросовестное лицо при утрате контрагентом возможности заключить договор с третьим лицом должно возместить и расходы, и реальный ущерб, и упущенную выгоду. При этом по смыслу ч. 2 п. 3 ст. 434.1 ГК РФ такое лицо возмещает только расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом.

Но чем отличаются расходы, понесенные в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом от упущенной выгоды, ВС РФ не разъяснил, при этом предоставил расширительное толкование понятию убытков при переговорах о заключении договора.

ВС РФ также не разъяснил, чем отличаются друг от друга недостоверные заверения, данные до заключения договора (ст. 431.2 ГК РФ), от сообщения недостоверной информации на стадии переговоров (ст. 434.1 ГК РФ), при этом в п. 21 Постановления № 7 ВС РФ отразил последствия представления неполной или недостоверной информации.

ВС РФ дал необходимые и подробные разъяснения по астренту, назвав его «судебной неустойкой» (п. 28–36 Постановления № 7, ст. 308.3 ГК РФ), но упустил необходимость разъяснения возможности универсального или сингулярного правопреемства при замене истца.

В пункте 38 Постановления № 7 ВС РФ скопировал несправедливое разъяснение п. 2 пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 6/8 от 01.07.1996, согласно которому проценты по ст. 395 ГК РФ не начисляются на суммы экономических (финансовых) санкций, необоснованно взысканных налоговыми, таможенными органами и другими гос. органами и подлежащих возврату из соответствующего бюджета. Получается, что все равны перед законом, но кто-то все же ровнее.

В пункте 48 Постановления № 7, указывая на возможность взыскания процентов на будущее время, ВС РФ не разъяснил, что делать с гос. пошлиной, определяемой в силу подп. 2 п. 1 ст. 333.22 НК РФ, при заявлении требования о взыскании процентов на день предъявления иска. Та же ситуация и с п. 65 Постановления № 7 относительно начисления пеней. Но выход через подп. 9 и 10 п. 1 ст. 333.20 НК, подп. 3 п. 1 ст. 333.22 НК и

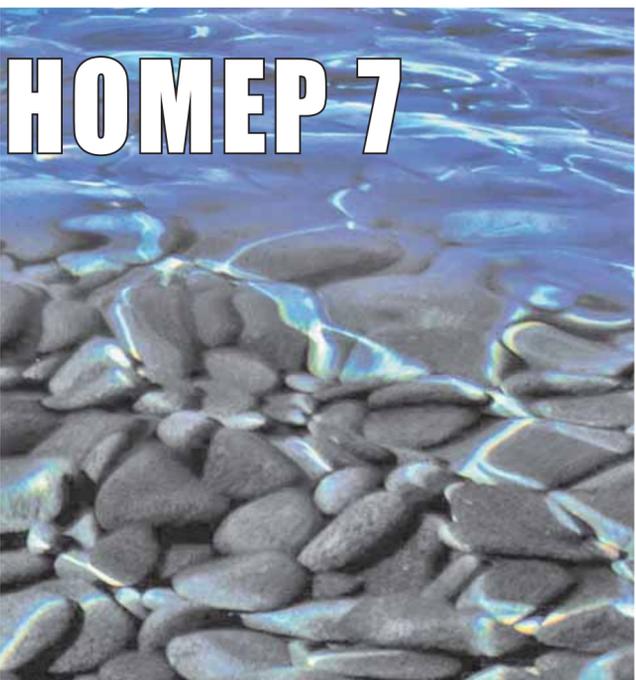
подп. 2 п. 1 ст. 333.18 НК РФ, когда госпошлина доплачивается в доход бюджета в течение 10 дней с момента вступления в законную силу решения суда ответчиком, есть, и суды его применяют.

В пункте 53 Постановления № 7 ВС РФ не разрешил вопрос: с какого момента начисляются проценты по ст. 317.1 ГК РФ – с момента начала пользования денежными средствами или с момента, когда возникает задолженность? А долг возникает с момента перечисления на счет или с момента начала просрочки? Пункт 1 ст. 317 ГК РФ говорит о долге.

В пункте 57 Постановления № 7 ВС РФ указывает на возникновение обязанности причинителя вреда в деликтном обязательстве по уплате процентов по ст. 395 ГК РФ со дня вступления в законную силу решения суда, удовлетворившего требование о возмещении причиненных убытков, что дублирует положение устаревшего Постановления пленумов № 13/14. Но коль скоро проценты по ст. 395 ГК РФ – это мера ответственности, то почему не с момента причинения вреда или с момента предъявления претензии? Учитывая, как тщательно, например, ВС РФ определил преддоговорную ответственность за недобросовестное ведение переговоров (п. 19 Постановления № 7), признав ее частным случаем деликтной ответственности (глава 59 ГК РФ), не логично, почему ВС РФ не проявил столь же новаторский подход и в данном вопросе.

Убытки, вызванные инфляционными процессами ввиду нарушения должником обязательства, также могут быть взысканы, но ВС РФ ничего не говорит о возможности начисления процентов по ст. 395 ГК РФ на них. Также ВС РФ молчит и относительно возможности взыскания разницы между процентами по ст. 395 ГК РФ и средними ставками процента по кредитам в экономике в целях воспрепятствования недобросовестным должникам кредитоваться за счет своих кредиторов.

Тем не менее в целом Постановление № 7 вызывает положительные эмоции, особенно в части взыскания убытков, «астрента» – «судебной неустойки», преддоговорной ответственности, исполнения в натуре, толкования норм о возмещении потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств.

СПРАВИЛСЯ ЛИ ВС РФ С НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛОЙ?

Павел ХЛЮСТОВ, адвокат, н. ю. н., партнер, Коллегия адвокатов «Барщевский и Партнеры», г. Москва

Значение Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 трудно переоценить. В Постановлении были разъяснены нюансы новелл, внесенных в российский договорное и обязательственное право, а также обобщена и приведена к единообразию судебная практика ВС РФ и ВАС РФ за последние несколько лет. Тем не менее нельзя не отметить, что некоторые затронутые ВС РФ вопросы так и не получили достойного ответа. Одним из них является вопрос о непреодолимой силе.

Для чего вообще нужен такой инструмент, как Постановление Пленума ВС РФ? Прежде всего для того, чтобы объяснить правоприменителям и участникам правоотношений, как правильно толковать и применять действующее законодательство. Это, в частности, означает, что ВС РФ не

должен останавливаться на простом цитировании норм права, а должен их разъяснить и при необходимости раскрыть заложенные в них идеи. В некоторых особо важных и сложных случаях Постановление должно содержать понятные примеры, позволяющие наглядно продемонстрировать, как правильно, а как нет.

Вернемся к непреодолимой силе. Непреодолимая сила – одно из важнейших понятий для договорного и обязательственного права, ведь именно непреодолимая сила является тем основанием, которое позволяет освободить от ответственности лицо, которое при осуществлении предпринимательской деятельности не исполнило или ненадлежащим образом исполнило обязательства (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Несмотря на тот факт, что понятие непреодолимой силы было известно еще классическому римскому праву (лат. *vis major*), у российских и зарубежных судей до настоящего времени возникают проблемы с его квалификацией. Осознавая указанную проблему, Пленум ВС РФ попытался помочь нижестоящим судам.

В пункте 8 Постановления ВС РФ указал, что в силу п. 3 ст. 401 ГК РФ для признания обстоятельства непреодолимой силой необходимо, чтобы оно носило чрезвычайный и непредотвратимый при данных условиях характер (это яв-

ляется практически дословным воспроизведением п. 3 ст. 401 ГК РФ). Далее ВС РФ взялся за самое сложное и попытался объяснить, что же такое «чрезвычайное» и «непредотвратимое». По мнению ВС РФ, требование чрезвычайности подразумевает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях. Что касается непредотвратимости, то, если иное не предусмотрено законом, обстоятельство признается таковым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий. При этом ВС РФ отметил, что не могут быть признаны непреодолимой силой обстоятельства, наступление которых зависело от воли или действий стороны обязательства, например отсутствие у должника необходимых денежных средств, нарушение обязательств его контрагентами, неправомерные действия его представителей.

Верховный Суд нельзя упрекнуть в том, что он сказал о непреодолимой силе что-то неправильно. Вместе с тем его разъяснения нельзя признать идеальными, поскольку они не отвечают такому требованию, как ясность, и не раскрывают признаки, позволяющие оценить конкретные фактические об-

стоятельства в качестве непреодолимой силы. К примеру, при рассмотрении одного из дел Президиуму ВАС РФ удалось дать даже более удачную формулировку: под чрезвычайностью понимается исключительность, выход за пределы «нормального», обычного, необычайность для тех или иных жизненных условий, что не относится к жизненному риску и не может быть учтено ни при каких обстоятельствах. Чрезвычайный характер непреодолимой силы не допускает квалификации в качестве таковой любого жизненного факта, ее отличие от случая в том, что она имеет в основе объективную, а не субъективную непредотвратимость (Постановление от 21.06.2012 № 3352/12).

Нельзя не отметить, что при подготовке Постановления у Верховного Суда было достаточно много времени, чтобы выработать более детальные критерии, позволяющие произвести разграничение между предпринимательским риском и непреодолимой силой. Возможно, стоило воспользоваться иностранным опытом и обратиться к критериям, принятым Принципами международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА), Принципами европейского контрактного права и Модельными правилами европейского частного права. Например, ст. 7.1.7 Принципов УНИДРУА следующим образом формулиру-

ет правило освобождения от ответственности в связи с наличием непреодолимой силы (форс-мажора): сторона освобождается от ответственности за неисполнение, если она докажет, что неисполнение было вызвано препятствием вне ее контроля и что от нее нельзя было разумно ожидать принятия этого препятствия в расчет при заключении договора либо избежания или преодоления этого препятствия или его следствий. Схожее правило содержится в ст. 8:108 Принципов европейского контрактного права и ст. III.-3.104 Модельных правил европейского частного права.

На наш взгляд, указанные источники содержат два понятных критерия, которые в обязательном порядке должны были попасть в Пленум ВС РФ. Обязательства, которые являются непреодолимыми: а) находятся вне контроля стороны договора (то есть несут объективный характер и не могут быть предотвращены) и б) выходят за круг обстоятельств, которые относятся к обычному хозяйственному риску.

Если бы Верховный Суд включил указанные критерии в свое Постановление и одобрил бы их парой-тройкой примеров, можно было бы смело признать, что он справился с поставленной задачей на «отлично», а так можно довольствоваться лишь оценкой «хорошо».

Ариф ШАБАНОВ, управляющий партнер, компания Prime legal LLC, н. ю. н., г. Москва

Необходимость принятия Постановления № 7 обусловлена значительным количеством изменений, которые в последнее время внесены в ГК РФ. Многие из таких изменений вызвали разногласия в толковании и позволяли судам по-разному трактовать положения об обязательствах, закрепленных в ГК РФ.

Прокомментируем отдельные положения Постановления № 7, представляющие интерес. В частности, в п. 3 Постановления суд подчеркивает, что упущенная выгода может быть определена на основе данных о прибыли истца за аналогичный период времени до нарушения ответчиком обязательства.

УСТРАНЕНЫ МНОГИЕ КОЛЛИЗИИ

Также суд вновь указывает, что отказ в удовлетворении иска не может быть обоснован невозможностью установления дохода истца с разумной степенью достоверности.

В пункте 6 Постановления суд дает разграничение между ст. 393 ГК РФ и 406.1 ГК РФ. При этом он указывает, что положения ст. 406.1 ГК РФ не связаны с нарушенным обязательством. Иными словами, сторонам предоставляется право, руководствуясь положениями ст. 406 ГК РФ, расширить зону ответственности.

Безусловно, при разъяснении положений законодательства об ответственности за нарушение обязательств суд не мог оставить в стороне ст. 395 ГК РФ. При этом в п. 37 Постановления Пленум ВС РФ указывает, что, поскольку ст. 395 ГК РФ предусматривает последствия неисполнения или просрочки исполнения именно денежного обязательства, положения указанной нормы не применяются к отношениям сторон, не связанным с использованием денег в качестве сред-

ства платежа. В качестве примера, когда ст. 395 ГК РФ не применяется, суд приводит обязанности по сдаче наличных денег в банк по договору на кассовое обслуживание, по перевозке денежных знаков и т. д.

Конечно же, суд не мог оставить без внимания ст. 317.1 ГК РФ, которая вызвала споры и разногласия в толковании. Суд указывает, что в отличие от процентов, предусмотренных ст. 395 ГК РФ, проценты, установленные ст. 317.1 ГК РФ, не являются мерой ответственности, а представляют собой плату за пользование денежными средствами. Таким образом, суд еще раз подчеркнул, что ст. 317.1 ГК РФ не относится к мере ответственности, а является обоснованным правом кредитора на получение с должника процентов за пользование денежными средствами.

Данный вывод весьма обоснован, поскольку иное означало бы возможность использования денежных средств по выгодным процентным ставкам, что нельзя назвать мерой ответственности. Таким образом,

ст. 317.1 ГК РФ устраняется дисбаланс в случае использования должником денежных средств кредитора. Соответственно вопрос о разграничении ст. 317.1 и 395 ГК РФ окончательно разрешен.

Также суд дал указание судам о необходимости указывать в решении о взыскании неустойки, что такое взыскание производится до момента фактического исполнения обязательства (п. 65 Постановления).

Кроме того, суд обратил внимание, что расчет суммы неустойки после вынесения решения осуществляется судебным приставом-исполнителем в процессе исполнительного производства самостоятельно (п. 66 Постановления). Указанный подход и ранее прослеживался в п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта».

Также суд сделал важные выводы, касающиеся неустойки. Например, он указал, что установление

в договоре минимального размера неустойки не является препятствием для снижения ее судом (п. 70 Постановления). Иными словами, если стороны в договоре согласовали невозможность снижения неустойки ниже определенной суммы, то суд не может быть связан таким условием.

Кроме того, суд указывает на возможность снижения уплаченной неустойки на основании ст. 333 ГК РФ с учетом положений ст. 1102 ГК РФ. Такое право не может быть реализовано, если должник самостоятельно уплатил такую неустойку. Если неустойка была списана, зачтена без волеизъявления должника, то должник вправе попытаться оспорить ее несоразмерность и взыскать неосновательное обогащение (п. 78 Правил).

В целом положения Постановления № 7 не носят новаторского характера, обобщают выводы, ранее сделанные ВАС РФ и ВС РФ. Какие-либо противоречия между новыми и ранее сделанными указаниями судов отсутствуют.